

Ф. К. Шлоссер

Всемирная история

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф. К. Шлоссер

Ф11 Всемирная история: Том 7 / Ф. К. Шлоссер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 647 с.

ISBN 978-5-458-05285-6

«Всемирная история» — знаменитый фундаментальный труд немецкого ученого Фридриха Кристофа Шлоссера представляет собой синтез его специальных исследований и университетских курсов. Описываемый период доведен до 1815 года. «Всемирная история» Шлоссера сыграла заметную роль в истории развития общественной мысли в России. В переводе на русский язык и популяризации его трудов принимал деятельное участие Н. Г. Чернышевский. Следует обратить внимание на то, что русский перевод Шлоссера содержит цензурные пропуски, обозначенные отточиями, (особенно в главах, посвященных России), а также искажения, сознательно внесенные самим Чернышевским с целью смягчить или, наоборот, усилить некоторые оценки автора.

ISBN 978-5-458-05285-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

будетъ признать, что предлагаемое изложеніе, обнимающее въ трехъ небольшихъ томахъ время отъ 1815 по 1871 гг., по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь способствовало разрѣшенію задачи, поставленной исторіографіи подвигающимся впередъ временемъ.

Въ одномъ только пунктѣ каждый, предпринимающій разрѣшеніе этой задачи послѣ 1870 года, встрѣчаетъ болѣе выгодныя условія, даже чѣмъ такой великій историкъ, какъ Шлоссеръ. Шлоссеръ по своему характеризовалъ время послѣ 1815 г. часто приводившимися словами: „это время обмана и лжи, упрямства власть имущихъ и слабости чиновниковъ, время конгрессовъ и протоколовъ, политическихъ преслѣдованій и заговоровъ, надеждъ и разочарованій.“ Мы же, позднѣйшіе, зрѣлый возрастъ которыхъ совпалъ съ періодомъ между 1848 и 1871 гг., съ болѣею справедливостію можемъ назвать эту эпоху временемъ приготовленія великихъ и спасительныхъ разрѣшеній, временемъ величественнаго преобразованія матеріальнаго и духовнаго міра совершенно новыми силами, освободившимися въ горячей борьбѣ, и далѣе, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже временемъ исполненія и примиренія. Авторъ, подобно многимъ другимъ, отказался даже во снѣ видѣть, или, въ крайнемъ случаѣ, подобно Моисею, съ горы взирать на обѣтованную землю, въ которой германскій народъ изъ великаго культурнаго народа снова сдѣлается націею въ политическомъ смыслѣ, что вообще придало бы болѣе здоровья и надеждъ всей европейской жизни. Никто не надѣялся, что увѣреностію, которой онъ держался въ тяжелые дни революціи и реакціи, такъ скоро сдѣлается очевидностію. Безъ сомнѣнія, не всѣ еще надежды осуществились, и теперь на-очереди еще серьезная, можетъ быть самая серьезная, борьба за обезпеченіе пріобрѣтенныхъ благъ; но въ виду того, что дѣйствительно достигнуто, въ виду прочнаго и крѣпкаго положенія, котораго добилась свобода въ сердцѣ Европы, — взгляды на то время, которое Шлоссеръ описалъ такими мрачными красками, также, можетъ быть, смягчятся, потому что и оно, въ періодъ отъ Парижскаго мира до Франкфуртскаго мира, чрезвычайно ясно доказало, что ложь и обманъ, мнимое дѣло и дѣловое бездѣліе всегда недолговѣчны и призрачны, правда же и честный трудъ остаются всегда побѣдителями.

О. Іегеръ.

Кельнъ, декабря 1873.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТЪ ПАДЕНІЯ НАПОЛЕОНА

ДО

ІЮЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

1815—1830.

ВВЕДЕНИЕ.

Тридцатаго мая 1814 г. въ Парижѣ былъ подписанъ миръ, который положилъ предѣлъ великой борьбѣ союзной Европы противъ Наполеона I за независимость. Актъ этого договора былъ подписанъ 5 великими государствами: Австріей, Пруссіей, Англіей, Россіей и Франціей, и въ 32 статьѣ его было постановлено, чтобы всѣ участвовавшія въ войнѣ державы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послали въ Вѣну уполномоченныхъ, которые на общемъ конгрессѣ дополнили бы постановленія этого акта и установили бы частности. Шпага и скипетръ были исторгнуты изъ той могущественной руки, которая впродолженіи двухъ десятилѣтій разбрасывала государства Европы, раздавала и порабощала, по собственному произволу ихъ населеніе; дѣло теперь шло о томъ, чтобы снова упрочить разпатавшуюся Европу и снова соединить различнымъ образомъ сдвинутые, поврежденные и отчасти вывѣтрившіеся камни въ новое зданіе, годное для жилья.

Третьяго ноября 1814 года было открыто въ Вѣнѣ это блестящее и важное собраніе. Само собою разумѣется, что зная, собравшаяся въ веселой придунайской столицѣ, не замедлила вознаградить себя за лишенія и усилія послѣднихъ лѣтъ; балы, рауты, маскарады и фейерверки, карусели, санная ѣзда и парады смѣняли другъ друга; на сценѣ, съ которой исчезъ Могучій, шумно и съ удобствомъ расположилась возвратившая свои права посредственность; тамъ, гдѣ столько королей создавало новый порядокъ вещей, нашло для себя накрытый столъ и жатву люди обыкновенные—пестрое общество—младшіе принцы, финансисты, евреи, портретные живописцы, всякаго рода промышленники. Недоброжелательные оцѣнщики вычислили, что эти праздничные мѣсяцы обошлись двору не менѣе 30 милліоновъ гульденовъ. Но исторія не можетъ долѣе заниматься увеселеніями и ихъ противоположностію, скуднымъ удовлетвореніемъ инвалидовъ послѣдней войны и голодомъ, который именно тогда заставлялъ тысячи людей эмигрировать изъ Трансильваніи; она останавливается только на прочныхъ фактахъ, которые совокупная государственная политика Европы, какъ она ни была велика или мала, создала на почвѣ, орошенной кровью и покрытой развалинами.

На короткое время, какъ извѣстно, серьезная работа эта была прервана побѣгомъ Наполеона изъ заточенія на островъ Эльбѣ. Но смѣлая попытка эта быстро довершила гибель этого человѣка, котораго безвозвратно осудилъ всеобщій голосъ Европы. 13 марта 1815 г. приговоръ державъ объявилъ его врагомъ и нарушителемъ покоя міра; несогласія, которыя возникли въ средѣ конгресса и на которыхъ онъ строилъ свои надежды, прекратились въ виду новой, общей опасности, и конвенція между Австріей, Англіей, Пруссіей и Россіей (25 марта) обезпечила сохраненіе Парижскаго мира и исполненіе рѣшеній, какъ уже принятыхъ въ Вѣнѣ, такъ и имѣвшихъ еще быть принятыми. 18 іюня Ватерлооское дѣло уничтожило новое наполеоновское войско, 29 пруссаки явились передъ Парижемъ

куда 9 іюля вошелъ возстановленный вторично Людовикъ XVIII, 10 вступили союзные монархи, и гдѣ, затѣмъ, 20 ноября 1815 г., былъ заключенъ второй Парижскій миръ, дополнившій великое реставраціонное дѣло, которое впредь должно было составить основу для отторгнутой отъ революціи и ея наслѣдника Европы и существенныя постановленія котораго были помѣщены въ исполненномъ 9 іюля того же года, заключительномъ актѣ Вѣнскаго конгресса.

Результаты конгресса были собраны въ 121 статьѣ этого важнаго акта, составляющаго исходную точку новѣйшей жизни европейскаго человѣчества. Статьи 1—107 заключали въ себѣ постановленія о раздѣленіи земель, о преобразованіи территоріальныхъ отношеній этой части свѣта, на сколько они выяснились изъ массы тысячекратно сталкивающихся интересовъ, дѣйствительныхъ, или мнимыхъ правъ, при различныхъ торговыхъ сдѣлкахъ и угнетеніяхъ, неумѣренныхъ требованіяхъ и скудныхъ предложеніяхъ, изъ совѣщаній комитетовъ и изъ часто болѣе важныхъ переговоровъ и интригъ, имѣвшихъ мѣсто за кулисами.

Побѣжденною въ послѣдней войнѣ была Франція, и, сообразно съ этимъ, слѣдовало ожидать, что новая организація территоріальныхъ отношеній прежде всего потребуетъ большихъ жертвъ отъ этой именно державы, которая, по крайней мѣрѣ, будетъ ограничена тою областью, которою она владѣла до эпохи своихъ завоеваній. Но эта эпоха началась не съ революціи, или съ Наполеона, а еще съ Риншеля и Людовика XIV. Поэтому справедливо было требованіе, чтобы, по крайней мѣрѣ, Эльзасъ и Лотарингія были отняты у французовъ и снова присоединены къ Германіи; не было также недостатка въ людяхъ съ вѣсомъ и знаніемъ дѣла, которые указывали на то, что неосуществленіе этого требованія ободряетъ и облегчаетъ всякое новое нападеніе со стороны Франціи,—что держава, которая дѣлала два десятилѣтія наполняла всю Европу войною, два раза была побѣждена и все-таки не понесетъ наказанія въ видѣ дѣйствительнаго территоріальнаго ограниченія,—что эта держава будетъ очень склонна воспользоваться ближайшимъ случаемъ для новой завоевательной войны, если сама не подастъ къ этому повода. Однако, когда союзныя войска вошли во Францію, то это получило видъ, будто война ведется только противъ Наполеона, а не противъ Франціи; и, въ силу этой постыдной и гибельной фибции, по первому парижскому миру, снова бурбонской Франціи были обезпечены границы революціонной Франціи, границы 1 января 1792 года, и, для лучшаго округленія послѣднихъ еи было даже разрѣшено разширеніе своей области; почти на 150 кв. миль. Договоръ этотъ, правда, исключилъ Францію изъ переговоровъ о раздѣленіи областей, но французскій уполномоченный на Вѣнскомъ конгрессѣ, старокоролевскій епископъ и наполеоновскій бѣзъ Таллейранъ, мастеръ на всякаго рода дипломатическія штуки, былъ именно тѣмъ человѣкомъ, а конгрессъ тѣмъ мѣстомъ, которые годны были для того, чтобы кривыми путями добиться того вліянія, котораго нельзя было получить прямо: даже вторичная война и побѣда надъ Наполеономъ и Франціей весьма мало ослабили это поразительное покровительство побѣжденной странѣ. Второй парижскій миръ постановлялъ, что границами Франціи будутъ границы 1790 года.—Соотвѣтственно съ этимъ, Франція, правда, уступила нѣкоторыя части своей земли на сѣверѣ съ крѣпостями Филиппвилль и Маріенбургъ Бельгіи, на востокѣ Саарлуи, крѣпость Ландау и окрестности — Германіи, на югѣ Савойю и Ниццу — Сардиніи, маленькую область Гексъ между Женевскимъ озеромъ и Юрою, Женевскому кантону; похищенные при республикѣ и имперіи сокровища искусства были возвращены ихъ собственникамъ; двукратно побѣжденные и совершенно обезоруженные были присуждены къ вознагражденію державъ за военныя издержки въ 700,000,000 франковъ и содержанію союзаго войска въ 150,000 человѣкъ втеченіи 5 лѣтъ: но въ общемъ, державы все-таки держались прежняго заблужденія и заставляли одну только имперію расплачиваться за все то, въ чемъ согрѣшила французская нація, за которую, такимъ образомъ, какъ бы удержали право и полную власть снова угрожать всеобщему миру. Въ глазахъ большинства европейскихъ государственныхъ людей на самомъ дѣлѣ существовалъ только одинъ побѣжденный: свергнутый императоръ Наполеонъ, который былъ въ качествѣ военно-плѣннаго Европы, 16 октября 1815 года, перевезенъ на англійскомъ военномъ кораблѣ и высаженъ на англійскій островъ св.

Елены въ Атлантическомъ океанѣ, который, по соглашенію четырехъ державъ назначенъ былъ его заточеніемъ и, слѣдовало надѣяться, его могилою.

Изъ великихъ державъ побѣдоносной коалиціи Англія не могла уже выиграть ничего болѣе на европейскомъ континентѣ, почему ей легко было придать себѣ видъ безкорыстія, съ самаго начала отказавшись отъ всякаго приобрѣтенія. Во всякомъ случаѣ, правительство ея интересовалось Ганноверомъ, который съ 1714 г. былъ связанъ съ Англіею родственнымъ союзомъ, общимъ княжескимъ домомъ; но это не было англійскимъ національнымъ интересомъ, и тамъ давно уже пришли къ тому сознанію, что политическое вліяніе имѣетъ часто больше значенія, чѣмъ владѣніе землею. Свое вознагражденіе за убытки держава эта старалась получить въ приобрѣтеніи колоній и важныхъ морскихъ станцій: такъ Великобританія удержала изъ голландскихъ колоній, которыя во время продолжительной войны противъ Наполеона и его вассаловъ попали въ ея руки, въ южной Африкѣ Капскую землю, которая цѣнна сама по себѣ и еще болѣе цѣнна, какъ станція на пути въ Остъ-Индію; въ южной Америкѣ самые богатые хлопчатобумажные округи, въ Нидерландской Гвіанѣ—Демерарп, Эссеквибо, Бербисъ; изъ французскихъ — вестиндскіе острова Табаго, Св. Лючіи, африканскіе Иль-де-Франсъ, вмѣстѣ съ зависящими отъ него землями; въ Средиземномъ морѣ она удержала островъ Мальту, о возвращеніи котораго напрасно старался престарѣлый Іоаннитскій орденъ, пережившій всѣ бурн. Кромѣ того она получила Іонніческіе острова, которые рядомъ съ Гибралтаромъ и Мальтой придавали значительную прочность положенію ея на Средиземномъ морѣ.

Россія, бывшая еще за сто лѣтъ до того варварскимъ государствомъ, въ этомъ случаѣ, при общемъ созданіи мира, впервые проявила вліяніе европейской великой державы. Со времени Петра Великаго она неутомимо стремилась устранить тѣ границы, которыя отдѣляли ее отъ непосредственнаго соприкосновенія съ западно-европейскою жизнію; дальнѣйшій успѣхъ въ этомъ направленіи она сдѣлала еще до войны за освобожденіе тѣмъ, что въ 1809 г. получила отъ Швеціи Финляндію и этимъ одновременно увеличила свои скудные береговые владѣнія; теперь она въ окончательномъ обезпеченіи владѣнія Польшею искала награды за все то, что суровость ея зимы, самоотверженіе ея населенія и храбрость ея войскъ сдѣлали для Европы. Конечно, не было недостатка въ желаніяхъ и даже въ попыткахъ возстановить, при этомъ случаѣ, Польшу, какъ самостоятельное государство. Но эти желанія и попытки стремились къ невозможному, къ возстановленію государства, павшаго вслѣдствіе того, что не имѣло въ себѣ самомъ прочности; съ большимъ искусствомъ императоръ Александръ сумѣлъ успокоить умы тѣмъ, что даровалъ Польшѣ самостоятельное національное существованіе подъ русскимъ скипетромъ. Такимъ образомъ, Россія въ сущности достигла своей цѣли. Ст. 7 заключительныхъ актовъ конгресса отдавала ей герцогство Варшавское, за исключеніемъ великаго герцогства Познаньскаго, которое досталось Пруссіи, и маленькой полосы земли вокругъ Кракова, которая подъ именемъ Свободнаго города Краковскаго представляла остатки нѣкогда могущественнаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ статья эта опредѣляла, чтобы поляки получили національное представительство (*représentation*) и національныя учрежденія, регулированныя, какъ было прибавлено, мѣрою политическаго существованія, какое каждое изъ правительствъ, которому они принадлежатъ, сочтетъ для нихъ полезнымъ и соответственнымъ.

Лучше всего была вознаграждена Австрія, которая сдѣлала всего менѣе въ общей борьбѣ, болѣе препятствовала, чѣмъ способствовала побѣдѣ надъ Наполеономъ, искажала и испортила весь характеръ войны. Она отказалась отъ Бельгіи, которую уже министр Тургутъ очень вѣрно назвалъ мельничнымъ жерновомъ на ея шеѣ, и отъ остатка своихъ владѣній въ юго-западной Германіи, — обѣ неважныя потери, а первая можетъ даже скорѣе считаться выигрышемъ. За то она получила обратно то, что потеряла въ войнахъ противъ Наполеона; отъ Баваріи она получила Иннскую область, Тироля и Зальцбургъ; въ Италіи большія и прекрасныя провинціи Ломбардію и Венецію, такъ что она вышла изъ войны съ отлично округленною связанною областью, обнимавшею

великолѣпнѣйшія и плодороднѣйшія земли; приращеніе населенія ея въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, когда вступилъ на престолъ Францъ II (1792), считалось въ 22 милліона душъ, и даже замѣтили, что конгрессъ, такимъ образомъ, отблагодарилъ за гостепрѣимство, оказанное ему въ Вѣнѣ. Къ этому присоединилось еще то, что громадное большинство населенія еще было связано единствомъ католическаго вѣроисповѣданія, которое рядомъ съ общею династіею въ тогдашнее время считалось сильнѣйшимъ связующимъ средствомъ. Большая опасность, коренившаяся въ пестрой массѣ племенъ и народовъ, изъ которыхъ была составлена эта имперія, скрывалась тогда еще подъ великолѣпными именами королевствъ, великихъ княжествъ и герцогствъ, украшавшихъ гербъ могущественной Австріи и мало безпокоившихъ такого государственнаго мужа, какъ Меттернихъ, который жилъ только минутою и обращалъ вниманіе только на внѣшній видъ дѣла, не понимая дѣйствующихъ въ глубинѣ народной жизни силъ.

Совершенно противоположное науравленіе приняли дѣла для второй германской великой державы, П р у с с і и. Это государство выставило въ великой европейской борьбѣ противъ всемірной имперіи Наполеона всю свою народную силу, начиная съ короля и кончая послѣднимъ поденщикомъ; оно вступило въ войну, довѣряя своей звѣздѣ, и движима въпередъ соединенною силою отчаянія и воодушевляющей вѣры, съ полнымъ сознаніемъ, что неудача значить не только уменьшеніе области, опустошеніе, разграбленіе, военныя контрибуціи, долготѣнная нужда, но просто гибель. Въ безчисленныхъ войнахъ народъ его, почти поголовно вооруженный, спасалъ честь германскаго имени и еще въ послѣдней битвѣ при Ватерлоо его, никогда не показывавшіе страха войны вызвали рѣшеніе дѣла. Заслуга была неоспорима, но при такомъ запутанномъ положеніи, въ которомъ различнѣйшіе интересы и страны соединились для одной великой цѣли, а раздѣленіе и ликвидація въ частности, должны были осуществиться только послѣ побѣды, при такомъ положеніи, дипломатическая ловкость, ясность и твердость были бы одинаково необходимы, какъ воинская храбрость и самоотверженіе. Но именно этого не доставало королю, какъ и первому совѣтнику его, государственному канцлеру князю Гарденбергу, изъ которыхъ первый былъ слишкомъ честенъ и мало ловокъ, а послѣдній слишкомъ непостояненъ и легкомысленъ для того, чтобы съ послѣдовательнымъ государственнымъ эгоизмомъ стремиться къ тому, чтобы цѣна побѣды соотвѣтствовала ея громаднымъ жертвамъ. Правда, по соглашенію съ другими державами, Пруссія было обезпечено вознагражденіе, которое должно было привести это государство въ такое состояніе, относительно объема и числа населенія, въ какомъ оно было до Тильзитскаго мира; но съ непростибельною безпечностію и неумѣлостію, Пруссія упустила обезпечить себѣ формальнымъ образомъ это вознагражденіе, въ видѣ точно опредѣленныхъ величинъ съ именами и числами. Главнымъ вознагражденіемъ для себя она считала Саксонію, король которой, по возрѣніямъ, господствовавшимъ въ первый періодъ войны за освобожденіе, запуталъ свою страну тою упорною вѣрностію, съ которою онъ держался союза съ Наполеономъ. Но присоединеніе Австріи къ коалиціи измѣнило характеръ войны, а присоединеніе Баваріи и Вюртенберга, которыхъ можно было упрекнуть въ томъ же, въ чемъ короля Саксонскаго, измѣнило и характеръ всего положенія. Такимъ образомъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ Пруссія съ своими саксонскими требованіями натолкнулась только на сопротивленіе, открытую неприязнь, или скрытыя препятствія. Гарденберга сбивали съ одной позиціи на другую; дѣло зашло даже такъ далеко, что онъ въ отчаяніи собственнымъ письмомъ отъ 3 декабря 1814 г. апеллировалъ къ великодушію Меттерниха и къ справедливости императора Франца; «дорогой князь», было написано на этомъ замѣчательномъ клочкѣ бумаги, «спасите Пруссію изъ ея настоящаго положенія»; а мѣсяцъ спустя изъ-за этого саксонскаго и польскаго вопроса, даже на случай дальнѣйшихъ недоразумѣній, былъ уже заключенъ противъ Пруссіи и Россіи военный союзъ между Англіей, Австріей и Франціей. «Король Саксонскій, сказалъ, какъ увѣрають, австрійскій императоръ, «долженъ снова получить свою землю, не то я буду сгнѣлять». «На народы Германіи я могу разсчитывать», думалъ онъ прибавить и, можетъ быть, не безъ права. Эта угрожающая опасность была устранена еще до возобновившейся необходимости бороться съ Наполеономъ. Оконча-

тельный же результатъ былъ таковъ, что Меттернихъ могъ поздравить себя съ новымъ преобразованиемъ Пруссіи, скрывавшимъ въ себѣ опасности, изъ которыхъ одной было бы достаточно для того, чтобы въ ближайшую бурю повести къ вѣрному крушенію государственное устройство съ меньшими внутренними силами и здоровьемъ.

Пруссія получила отъ Саксоніи тюрингенскій округъ, весь нижній Лаузицъ, часть верхняго Лаузица, виттенбергскій округъ, части округовъ Мейсена и Лейпцига и др., вмѣстѣ 374 кв. м. съ 845.000 жит.; она получила обратно почти всѣ свои старыя владѣнія между Рейномъ и Эльбою; Вестфалію, большую часть курфиршества Кельнскаго; наассаускія княжества Діецъ, Зигенъ, Гадамаръ, Дилленбургъ; отъ французскихъ областей нѣсколько департаментовъ у Мозеля и Мааса; часть своихъ польскихъ владѣній; отъ Даніи, которой она за это предоставила Лауенбургъ, бывшую прежде шведскую часть Помераніи. Такимъ образомъ, она на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ относительно населенія, если не относительно пространства, снова пришла въ то положеніе, въ которомъ она была до Тильзитскаго мира. Но она отказалась отъ важной восточной Фрисландіи и вслѣдствіе этого отъ весьма важнаго положенія у Сѣвернаго моря, какъ и отъ древнихъ владѣній своего владѣтельнаго дома въ южной Германіи, отъ франкскихъ княжествъ; она получила землю, которая, будучи со всѣхъ сторонъ открытою, занимала длинную линію отъ Мемеля на крайнемъ сѣверо-востокѣ Германіи до Саарбрюкена, на крайнемъ юго-западѣ, и такимъ образомъ, кромѣ Австріи и Швеціи, должна была охранять впредь свои границы одновременно противъ Россіи и противъ Франціи, противъ гигантскаго государства, имѣвшаго тогда около 40.000,000 жит., и противъ сильно сплоченнаго государства съ 28.000,000 жит. Между ея восточными и западными границами, раздѣляя государство на двѣ части, вдвинулись среднія державы и мелкія государства: Ганноверъ, Брауншвейгъ, Гессенъ. Между тѣмъ какъ она такимъ образомъ была открыта со всѣхъ сторонъ для внѣшнихъ нападеній, въ тоже время открылся широкій просторъ и для внутреннихъ затрудненій, такъ какъ три пятыхъ ея подданныхъ были протестанты, а двѣ пятыхъ католики, а послѣдніе, принадлежавшіе преимущественно къ западной части государства и находясь въ сосѣдствѣ съ католическими государствами Франціей и Бельгіей, усиливая такимъ образомъ дѣйствіе естественнаго и историческаго различія между населеніемъ западно-германскимъ, еще значительно затрудняли внутреннее сліяніе обѣихъ половинъ государства, что и безъ того не было легкою задачею.

Менѣе затрудненій, хотя столько же труда, встрѣтило регулированіе отношений мелкихъ государствъ.

Изъ странъ скандинавскаго сѣвера Данія, со времени событія 1807 г., извѣстнаго бомбардированія англичанами Копенгагена, держала сторону Наполеона, и попытки ея, еще довольно рано, передъ окончательнымъ великимъ расчетомъ, заключить миръ съ союзниками, не были приняты во вниманіе. Въ Кильскомъ мирѣ (14 января 1814) она должна была принять условія побѣдителей. Норвегію, находившуюся съ 1535 г. подъ господствомъ Даніи, она уступила Швеціи, которая такимъ образомъ была вознаграждена за потерю Финляндіи — отнятую Россіей и острова Гельгоlanda, оставшагося въ рукахъ Англіи. Данія въ вознагражденіе получила шведскую Померанію; впоследствии, какъ мы уже замѣтили, она ее уступила Пруссіи, за Лауенбургъ и милліонъ талеровъ. По языку и по нравамъ у норвежцевъ болѣе общаго съ датчанами, нежели съ шведами, отъ которыхъ они отдѣлены развитіемъ своей исторической жизни и цѣпью по большей части трудно проходимыхъ горъ, какъ бы стѣною прорѣзывающихъ Скандинавскій полуостровъ на двѣ части; эти географическія, историческія и статистическія причины вскорѣ выразились: Норвегія не подчинилась приговору; она объявила себя независимою и избрала въ короли датскаго принца Христіана Фридриха. На рейхстагѣ въ Эйдсволдѣ, въ приходѣ Аггергуусъ, издана была конституція, чисто демократическая, вполне соответствующая потребностямъ бѣднаго, простаго и суроваго народа. Когда же шведскій наслѣдный принцъ, выказавшій себя съ такой невыгодной стороны въ теченіе войны съ Наполеономъ, съ войскомъ явился въ Норвегію, датскій принцъ

отказался отъ престола и предоставилъ странѣ полную свободу дѣйствій и рѣшеній. Въ конвенціи, подписанной 14 августа 1814 года, Норвегія признала королемъ шведскаго короля, а онъ съ своей стороны обязался признать независимость страны и подтвердить эйдсвольскую конституцію. Итакъ, 4 ноября того же года, Карла XIII провозгласили норвежскимъ королемъ. Но этотъ союзъ не возлагалъ на Норвегію никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ. Швеція и Норвегія по прежнему оставались двумя отдѣльными государствами и слѣдовательно планъ не удался поставить съ этой стороны достаточное препятствіе, оплотъ отъ возрастающаго и распространяющагося могущества Россіи.

Въ отношеніи Франціи, хотя на короткое время, эта самая цѣль казалась болѣе выполнена преобразованиемъ Нидерландскихъ областей. Голландское колоніальное могущество потерпѣло сильный ударъ отъ Англіи во времена Наполеона; а между тѣмъ интересы Англіи требовали, чтобы довольно сильное и дружественное ей государство находилось на томъ мѣстѣ, гдѣ Англія и материкъ Европы ближе всего сходятся, и служило бы ей преградой отъ Франціи и ея ненасытной страсти къ завоеваніямъ. Вотъ побудительная причина, заставившая Англію на конгрессѣ такъ сильно отстаивать права и выгоды принца Оранскаго. Такимъ образомъ Голландія пріобрѣла Бельгію, герцогство Люксембургъ и епископство Лимбургъ, которыя вмѣстѣ составили великое герцогство Люксембургское; оно должно было служить принцу вознагражденіемъ за уступленные имъ Пруссіи наассаускія владѣнія. Принцъ принялъ титулъ короля Соединенныхъ Нидерландовъ. Такимъ образомъ поверхностная политика соединила двѣ страны, раздѣленные религіей, языкомъ и правами и которыя, въ XVI вѣкѣ, только на самое короткое время могли соединиться для общей защиты отъ невыносимой тирании испанскаго своеволія.

Гораздо легче было возстановить и устроить дѣла южной Европы: Португалія еще до послѣдней великой борьбы освободилась отъ наполеоновскаго владычества, и здѣсь также, какъ и въ Испаніи, не было никакихъ территориальныхъ недоразумѣній. Конгрессу тутъ нечего было дѣлать; законный государь, отъ имени котораго и вся война была ведена, спокойно возвратился къ своему народу и занялъ свое мѣсто.

Немного запутаннѣе были дѣла Италіи; но и здѣсь новые порядки не встрѣтили затрудненій. Королевство Неаполитанское опять перешло въ руки своихъ прежнихъ владѣтелей изъ Бурбонской династіи; попытки короля Мюрата утвердить за собою мѣсто посреди представителей старинныхъ европейскихъ династій ему не удалось; Австрійцы въ 1815 году 21 мая заняли столицу, а въ октябрѣ того же года несчастный Мюратъ поплатился жизнью за свое недолгое царствованіе. Король Сардиніи такимъ же образомъ получилъ обратно свои континентальныя владѣнія и кромѣ того они были значительно увеличены присоединеніемъ въ нимъ Саvoyи, Ниццы и республики Генуи. Церковную область тоже возстановили: но Авиньонъ и Венессенъ остались за Франціей, а въ двухъ укрѣпленныхъ городахъ ея провинцій, или, какъ выражаются въ Церковной области, ея легатствъ, Команжіо и Феррара, австрійцы получили право содержать свои гарнизоны; это послужило достаточнымъ поводомъ къ протесту со стороны папы, столько же безсильному въ отношеніи къ вѣнскому конгрессу, какъ такой же протестъ противъ рѣшеній Вестфальскаго мира. Тоскана по правамъ второстепенныхъ линій, досталась брату императора, а Модена, его двоюродному брату, Фердинанду Францу IV; Піаченца, Парма и Гуасталла, императрицѣ Луизѣ, супругѣ Наполеона, имѣвшей на это владѣніе права, какъ эрцгерцогиня австрійская; послѣ смерти ея владѣнія должны были перейти къ испанской линіи Бурбоновъ, которая тогда обязана была Луку уступить Тосканѣ. Австрійское вліяніе такимъ образомъ взяло перевѣсъ въ Италіи и опиралось преимущественно на двухъ самыхъ большихъ и многолюдныхъ провинціяхъ. Политическаго единства въ этой странѣ не существовало; всѣ ея разрозненные части сходились только на нѣкоторыхъ первоначальныхъ пунктахъ—на единствѣ языка, литературы и воспоминаній давно прошедшихъ великихъ временъ и событій. Только въ позднѣйшія времена всѣ разрозненные народы ея соединились въ одномъ

плодотворномъ и живительномъ чувствѣ ненависти къ иноземнымъ нравамъ и къ иноземному господству.

Оставались еще двѣ страны, представлявшія для конгресса двѣ задачи: устроить ихъ территоріальныя отношенія и позаботиться о взаимномъ отношеніи этихъ территорій при новомъ устройствѣ ихъ политическихъ конституцій; мы говоримъ о Швейцаріи и Германіи.

Швейцарія по положенію своему между Австріей, Франціей, Германіей и Италіей занимаетъ немаловажное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ; внутреннему строенію ея Наполеонъ далъ порядокъ посредствомъ своей истинно спасительной и благодѣтельной государственной мѣры — посредническимъ актомъ отъ 19 февраля 1803 года; но во время вѣнскаго конгресса, занятаго дѣломъ общаго умиротворенія, отдѣльные кантоны все болѣе и болѣе запутывались въ областныхъ и конституціонныхъ спорахъ, которые, безъ вмѣшательства конгресса и безъ назначеннаго имъ швейцарскаго комитета, никогда не пришли бы къ концу. Изъ разсужденій комитета Швейцарія вышла, какъ союзное государство, состоящее изъ 19 кантоновъ, къ которымъ еще были причислены: Валлисъ, Женева и прусское княжество Невшателъ. Конституція сдѣлала одинъ шагъ назадъ къ посредническому акту; она расширила кругъ дѣятельности верховной власти кантоновъ, и установила одну политическую власть между мелкими, мельчайшими и самыми мелкими общинами ихъ, но подчинила ихъ другъ другу такъ, что сдѣлала ихъ неспособными къ здоровому развитію и возрастанію, потому что вся дѣятельность ихъ ограничивалась только тѣмъ, чтобы поддерживать, укрѣплять обезпечивать конституцію областей 21 верховныхъ кантоновъ, а вовсе не стремилась создать органы, способные принять участіе въ общемъ законодательствѣ и способные быть представителями общихъ потребностей и стремленій. Само собою разумѣется, вся собравшаяся Европа не могла бы одарить Швейцарію этимъ единствомъ, если бы въ самомъ народѣ не находилось стремленія къ нему.

Подобный же ходъ приняло дѣло устройства и преобразованія Германіи. Для того, чтобы уравновѣсить обладаніе поземельное, постановили: Саксонія сохранила только двѣ пятыхъ своей первоначальной территоріи, и королевскій титулъ; Баварія получила великое герцогство Вюрцбургъ, княжество Ашаффенбургъ, прирейнскій Пфальцъ и часть Фульды; переговоры съ Австріей, по случаю нѣкоторыхъ статей касательно этихъ пріобрѣтеній, окончились только 14 апрѣля 1816 года. Вюртембергъ сохранилъ королевскій титулъ и то, чѣмъ пользовался, благодаря дружбѣ Наполеона; тоже надобно замѣтить и о Баденѣ. Его государь еще въ 1806 году свой титулъ курфюрста промѣнялъ на болѣе современный, великогерцогскій. Гдѣ можно было, ограничились возстановленіемъ существовавшаго, какъ напримѣръ Кургессенъ; Ганноверъ получилъ отъ Пруссіи епископство Гильдесгеймъ, городъ Госларъ, восточную Фрисландію, нижнее графство Лингенъ и нѣсколько мелкихъ областей, а курфюрстъ, король Великобританіи, и въ Ганноверѣ принялъ титулъ королевскій. Герцоги Веймарскій, Ольденбургскій и Мекленбургскій удовольствовались титуломъ Великаго герцога. Великій герцогъ Гессенскій, въ вознагражденіе заступленія Пруссіи области, получилъ область съ 140,000 жителей, съ Майнцемъ на лѣвомъ берегу Рейна, такъ что охрана рейнской границы теперь была предоставлена Пруссіи, Баваріи, Бадену, Гессену и Нассау. Послѣ волненія и бурь послѣдняго десятилѣтія, Германія, хотя и сильно пострадала, но все-таки осталась еще сильна; кромѣ тѣхъ германскихъ территорій, которыя въ то же время составляютъ и европейскія державы, а именно: Австрія, Пруссія, Данія и Нидерланды — Германія насчитывала 4 королевства, 1 курфюршество, 6 великихъ герцогствъ, 14 герцогствъ и княжествъ различныхъ величинъ, 4 вольныхъ имперскихъ города: Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ. Этотъ новый составъ упростилъ и исправилъ положеніе дѣлъ, особенно если припомнить, что за столѣтіе до того, не считая имперскихъ рыцарскихъ областей, она насчитывала около 300 верховныхъ (суверенныхъ) территорій, изъ которыхъ можетъ быть около 80 имѣло менѣе 12 миль пространства.

Но такое улучшеніе было не прочно. Задача найти приличную политическую форму для этихъ мелкихъ владѣній различныхъ величинъ, отъ 3 кв. миль

до 5,000 к. м., и отъ 6,000 жит. до 10,000,000 жит., по-прежнему оставалась трудно-разрѣшимою, и тѣмъ, что дробленіе ихъ на картѣ было менѣе пестро, затрудненіе еще не устранялось. И такъ, приличную форму все-таки надобно было найти. Хотя Германія въ послѣднее столѣтіе много потерпѣла отъ внутренняго броженія идей, отъ внутренняго процесса преобразованій, отъ внѣшнихъ сильныхъ потрясеній и уже на столько ослабѣла, что повидимому готова была распасться на свои первоначальныя составныя части, тѣмъ не менѣе все-таки она еще не низошла, подобно Италіи, къ простому географическому понятію. Славное возрожденіе духовной и литературной дѣятельности столько же, сколько съобща выстраданный позоръ рабства и съобща употребленное усиліе сбросить его, пробудили угасавшій уже духъ народности и воспламенили его. Великія событія послѣдняго времени дали могучій полетъ этому вновь пробужденному патріотическому чувству; многіе благородные люди, склонные къ фантазіямъ, погружались въ созерцаніе протекшаго величія своего отечества, возгарали къ нему пламенной любовью, украшали идеальное будущее блестящими картинами величія, смѣло устраняли всѣ препятствія и затрудненія, какія имъ ставила прозаическая дѣйствительность, и смѣло требовали возстановленія императора и имперіи. Но по шестому пункту парижскаго мирнаго договора находился для нихъ уже готовый дѣловой отвѣтъ: «Германскія государства будутъ независимы и между ними существовать должна только федеративная связь». На конгрессѣ еще сильно и энергически поддерживалась мысль о возстановленіи государства—имперіи. За это возстановленіе стояла могущественная партія: многіе князья, большая часть дворянства и даже самъ папа, но только съ своей точки зрѣнія и съ своими ограниченіями. Но противниками явились прежде всего князья Рейнскаго союза, преимущественно Баварія и Вюртембергъ, которые съ циническою откровенностію отъ 20 октября 1814 г. высказали несообразность идеи: «Изъ такихъ различныхъ народностей, каковы Пруссія и Баварія, создать какъ бы одну націю»; противниками единства Германіи были иностранныя державы, которымъ по многимъ причинамъ одна сильная, соединенная въ одно цѣлое Германія была не совсѣмъ пріятна, но самое главное—исполненію этого плана противилась всемогущая сила обстоятельствъ дѣйствительности, обстоятельства эти не были нагромождены рукою произвольныхъ, или злобныхъ людей, но они сами собою выросли изъ ея историческаго быта въ теченіи многихъ столѣтій. Начиная съ императора Франца, на котораго съ самаго перваго мгновенія взоръ обратился, затрудненія громоздились: онъ не хотѣлъ и слышать о коронѣ, такой легкой съ перваго взгляда и такой давящей въ самомъ дѣлѣ; въ немъ еще было живо то самое чувство, которымъ онъ руководился, когда въ 1806 г. самъ снялъ съ себя эту корону, какъ непосильную по своей тяжести. Съ другой стороны Гумбольдтъ, въ своей памятной запискѣ, прямо объявилъ, что Пруссія ни въ какомъ случаѣ не подчинится вліянію императора дѣйствительнаго, а не номинальнаго. Меттернихъ, подобно своему государю, не увлекался идеальными стремленіями и считалъ ихъ непримѣнимыми въ дѣлахъ государственныхъ и отечественныхъ, полагая, что «обширная система договоровъ и союзовъ между германскими князьями для внѣшней и внутренней защиты, нисколько не касаясь до внутренняго устройства союзныхъ державъ», вполне могла бы удовлетворить всѣмъ потребностямъ страны. Между тѣмъ въ печати появлялись записки, разсужденія, брошюры и протоколы, въ которыхъ разсматривали и оспаривали вопросъ; отъ единодержавной конституціонной формы перешли къ дуалистической, утверждая первенство за Австріей и Пруссіей; далѣе перешли къ союзу съ пятью руководящими главами; думали даже о возстановленіи древняго областнаго раздѣла; потомъ предлагали «полную самостоятельность и свободу» членовъ союза, подъ одною верховною главою; наконецъ послѣ всѣхъ толковъ осталось однакожь дробленіе безъ главы и вообще безъ всякаго единства формы. Время проходило въ напрасныхъ усиліяхъ отыскать государственное единство для націи, раздѣленной не только на множество членовъ, но еще раздвоенной роковымъ различіемъ интересовъ Австріи и Пруссіи, хотя на время позабытою, но тѣмъ не менѣе существующею противоположностію стремленій католицизма и протестантизма; сколько ни бились, но квадратуры этого круга отыскать не могли. Чтобы дѣло какъ нибудь привести къ концу, кончилось тѣмъ, что па-с-коро набросали «Г е р м а н с к і й